

Введение

1. Цель изучения

Иисус учит своих последователей не называть никого «учителем, или отцом, или наставником», именуя себя их единственным учителем (Мф. 23, 8-10). Эти резкие слова Иисуса стали первоначальным импульсом для исследования обширной темы «Иисус-учитель» в то время, когда я готовился начать преподавание в одном из новообразованных христианских университетов в Украине. Почему Иисус сказал эти слова? В чем уникальность Иисуса как учителя? Существуют ли общие черты между его моделью ученичества и другими моделями, распространенными в то время? Могу ли я использовать некоторые стороны модели ученичества Иисуса в собственной работе? Именно эти и подобные вопросы начали пульсировать в моем сознании как раз в то время, когда я размышлял над выбором темы для магистерской диссертации. Первоначальный импульс перерос в исследовательский интерес к теме, которая оказалась весьма актуальной в свете набравшего силу кризиса христианского образования в странах бывшего СССР, кризиса, назревшего в результате калькирования канонов западной евангельской академии.¹ Будучи укорененной в рациональности эпохи Просвещения, западная евангельская академия имеет тенденцию к фрагментации и искусственному разделению областей знаний, зачастую претендуя на недостижимую исторически ограниченным субъектом объективность.² Поставив

¹ Oleg P. Turlac, "The Crisis in Evangelical Christian-Baptist Theological Education in the Former Soviet Union," *East-West Church and Ministry Report* 15, no. 1 (Winter 2007).

² Зачастую специалист по писаниям Иоанна Богослова не успевает следить за тем, что происходит в области исследований писаний Павла, не говоря о резком разделении между исследованиями Ветхого и Нового Заветов, богословия, библеистики, истории и т. д. См. подробную критику причин фрагментации знания и рациональности в книге А. Макингайра, *После добродетели. Исследования теории морали* (М.: Академический проект, 2000).

перед собой целью *изучить природу и значение модели Иисуса Христа в сравнении с другими моделями ученичества древнего мира*, я надеюсь избежать фрагментарности, типичной для англо-американской образовательной традиции. В свете этого мне хотелось бы обозначить трехсоставную целевую аудиторию, для которой предназначено это исследование.³

Прежде всего я пишу для студентов и преподавателей евангельских богословских учреждений, многие из которых остро переживают раздробленность среди академических дисциплин и неадекватность традиционных западных подходов как для формулирования богословских позиций в славянском контексте, так и для полноценного диалога с представителями других философских и религиозных традиций, находящихся в этом контексте. Читателям, принадлежащим к этой категории, будет видно, что хотя моя работа в целом не отстывает от академических стандартов, я все-таки захожу за традиционные каноны узкой специализации, перенесенные в восточный контекст из западного богословия. Вполне ожидая услышать критику по этому поводу, я все же надеюсь, что мой «опыт-попытка» внесет свою лепту в процесс дефрагментации молодой евангельской академии Украины.⁴

³ Я рассматриваю жанр данной работы как эссе (фр. *essai*) в первоначальном значении «попытки», «опыта» или «пробы».

⁴ Подобные процессы дефрагментации начались и в западной евангельской традиции относительно недавно. См. Joel B. Green and Max Turner, *Between Two Horizons* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2000). Стоит отметить, что процесс дефрагментации дифференцированных областей знаний не означает неадекватность или ненужность научной специализации. Речь скорее идет о целостном подходе, интегрирующем дифференциалы, порожденные эпохой модерна, в систему координат действительности, явленной в воплощении Логоса и доступной через христианское Писание и традицию. См. А. К. М. Adam, *What is Postmodern Biblical Criticism*, Guides to Biblical Scholarship: New Testament Series, ed. Dan O. Via, Jr. (Minneapolis: Fortress, 1995), 61-70; а также А. К. М. Adam, *Faithful Interpretation: Reading the Bible in a Postmodern World* (Minneapolis: Fortress, 2006), 81-103. См. также обсуждение в первой главе.

Я также надеюсь, что монография будет прочитана людьми, которым интересно не только евангельское богословие, но и русская философско-богословская традиция в целом. Такие читатели не смогут не заметить, что в основе моего подхода лежит понимание *богочеловечества*, развитое в России В. Соловьевым,⁵ Н. Бердяевым⁶ и А. Менем.⁷ Мне хочется верить в то, что данный опыт будет маленьким вкладом, способствующим поиску точек соприкосновения для продуктивного взаимодействия восточных и западных школ богословия, раздробленных и расколовшихся в результате сложных исторических процессов.

Кроме того, я вижу перед собой еще одну аудиторию, которой хочу быть полезен. Это широкая аудитория людей, находящихся за пределами церкви, но интересующихся образованием и религиозной тематикой и видящих мир через призму гуманистического наследия советского периода. В данном эссе я пытаюсь поставить «дорожный знак», указывающий выход из ложных дихотомий эпохи модерна: Бог — человек, знание — вера, университет — храм.

Конфигурация читательской аудитории является определяющей для использования материалов и построения аргументации в данном богословском опыте. Принимая во внимание неоднородность выбранной мной читательской аудитории, я осознаю, что не смогу удовлетворить всем требованиям и предпочтениям моих потенциальных читателей. Но все же мне хотелось бы вызвать общий интерес к более целостному богословскому подходу, позволяющему взглянуть не только на модель ученичества во времена Иисуса, но и бросить критический взгляд на нашу фраг-

⁵ Владимир Соловьев, *Чтения о Богочеловечестве* (СПб: Художественная литература, 1994).

⁶ См. Николай Бердяев, *Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого* (М.: Хранитель, 2006), 143–342.

⁷ Александр Мень, *История религии. В поисках пути истины и жизни*. (М.: Мирос, 1994).

ментированную действительность в ее исторической ретроспективе. Данную работу следует рассматривать скорее как интегральную контурную карту, дающую читателю возможность заполнить ее уточняющими дифференциалами. Наличие белых пятен или жирных граничных контуров, обозначающих проблематику, но не раскрывающих ее в полном объеме, соответствует замыслу этого опыта.

Обозначив предысторию, цель исследования и целевую аудиторию, я предлагаю рассмотреть состояние «проблемного поля», которое мы будем культивировать от одной главы к другой.

2. Научные прения и основной метод изучения

Множество богословских трудов, посвященных теме «Иисус-учитель», с наибольшей интенсивностью начало появляться около сорока лет назад. Актуальность новой темы вызвана глубоким кризисом в западной цивилизации в конце эпохи модерна. Если со времени картезианского поворота вера в научный метод и объективность создавала иллюзию стабильности, то научные и философские открытия и течения двадцатого столетия показали наивность любых попыток вырваться из оков истории, личных или общественных интересов и подсознания. Критика философии постмодерна выявила, что претензии на объективность, очевидность и здравый смысл зачастую являются лишь прикрытием для стремления к власти или материальному обогащению.⁸ Упадок авторитетов в современном западном обществе вызывал новый интерес к переосмыслению философии образования и роли учителя, являющейся фундаментальной для образователь-

⁸ Ж.-Ф. Лиотар, *Состояние постмодерна*. Пер. с фр. Н. А. Шматко (М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1988). Автор настоящей работы рассматривает альтернативный подход к ситуации постмодерна в первой главе.